Фауст
Грин

Благие
Негодники

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Иллюстрация на переплёте
Дианы Корольковой (трудновато)

Иллюстрация на форзаце, вклейках и во внутреннем оформлении *Юлии Кабановой*

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Бета-ридеры *Юлия Харузина, Марина Пинчук*

Грин, Фауст.
Г85 Благие негодники / Фауст Грин. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-215756-1

В мире что-то неладно.
Люди и нелюди равно беззащитны перед неведомым злом.
Но у Ватикана есть рецепт от этой хвори.

Отец Николас — священник Римско-католической церкви.
Он должен молиться, отпускать грехи и оберегать свою паству. В том числе волшебных существ, живущих в современных городах.
Двадцать Третий — демон, попавший в тело монаха.
Он должен изучать мир людей, дымиться на мессе и бесить священников. Особенно отца Николаса.

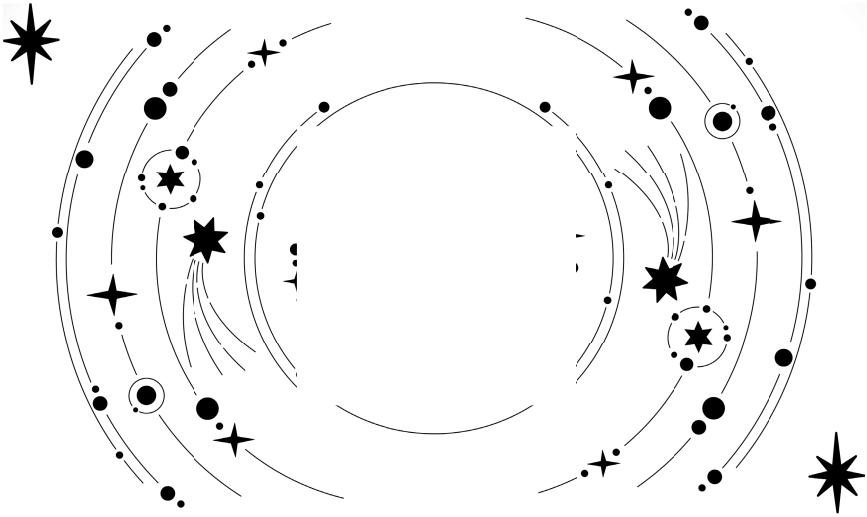
Теперь эти двое вынуждены объединить усилия и отправиться в долгое и опасное путешествие. Но для начала — не убить друг друга.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грин Ф., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215756-1

Часть 1



ГЕРМАНИЯ

Аркан I

Как падре Вогеле напился до чертиков и что из этого вышло

> И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон

— Et expecto resurrectionem mortuorum. Et vitam venturi saeculi. Amen, — закончил священник, прислонившись к кресту, и наконец открыл глаза.

Я аплодировал, глядя на дым, которым заволокло маленькую кирху, и на лики святых, которые, кажется, потешались над всей ситуацией не меньше моего.

— Крест деревянный — он сейчас от тебя вспыхнет как спичка. Отлипни от него, бесноватый. — Я старался не засмеяться в голос.

Темноволосый священник, покачиваясь, отошел от креста и присел перед алтарем на каменный пол. Я приблизился к нему, достал сигарету и как-то уже на автомате ткнул ею в приподнятую ладонь страдальца.

— Заведи себе уже зажигалку или вон от свечки прикури, — пробурчал темноволосый.

— Зачем? — искренне удивился я. — От свечки прикуривать — это грех, зажигалки я теряю, а прикуривать от тебя просто прикольно.

Пара недовольных демонических глаз, казалось, была готова меня испепелить. Но за почти месяц знакомства я уже привык к моему хвостатому компаньону.

...В ту осень Двадцать Третий как раз изволил в очередной раз вочеловечиться. Знаете, для любого демона это всегда долгий процесс, а главное, опасный. И не оттого, что кто-то вроде меня может обнаружить Двадцать Третьего или его братьев и сестер и изгнать. А оттого, что часто они вживаются в свои человеческие тела и не спешат с ними расставаться, даже когда тело уже совсем обветшало, состарилось и скукожилось, как гриб-сморчок. А когда человек умирает, подселенец уже не помнит, как покинуть тело. Так что экзорцизм — это полезно в том числе и для демонов.

Видимо, я не пояснил, что Двадцать Третий — демон, который вселился в тело человека. И не абы какого человека, а полоумного пастора-пьяницы Карла Вогеле, живущего в Обераммергау, — живописной деревушке в Баварии. Выражение «допиться до чертиков» стало для падре как никогда актуально. И фатально. Его израненную душу Двадцать Третий отправил на вечный покой, а сам стал обживаться в своем новом теле.

Приход в Обераммергау был маленький, так что к нему был приписан только один священник, который до поры до времени вполне справлялся со своими обязанностями. Однако с момента подселения Двадцать Третьего в течение трех недель пастор стал постоянно падать в обмороки посреди мессы.

Прихожане были уверены, что это все последствия беспробудного пьянства, но затем пастор начал дымиться. Люди в ужасе бежали с мессы и почти сразу написали сто тыщ доносов куда следует, после чего столь нетривиальным делом заинтересовалась обитель зла, тайного мирового правительства, библиотека всех сокрытых знаний и бла-бла-бла, — а именно Ватикан.

Как вы понимаете, здесь в этой истории и появляюсь я — отец Николас. Аскет, нищеброд, мизантроп.

Обычно, если нужно разобраться со всякими чертями, отправляют экзорцистов — суровых, мрачных и нелюдимых священников, коих немного и которые выезжают, только если дело пахнет нечистью. Но иногда, если информация противоречивая, сначала высылают ищеек, то есть кого-то вроде меня. Дело в том, что я один из тех, кто с рождения видит то, чего не видит человеческое большинство. Таких, как мы, притягивают странные личности и таинственные места. Мы одновременно принадлежим этому миру и миру потустороннему.

Большинство же странных людей в действительности не являются *людьми*. Томная светловолосая дева, с которой вы вместе ходите на фитнес, на самом деле скрытая эльфийка, жадноватый коренастый товарищ, лелеющий свою бородищу, — латентный гном, а смешливая подруга, не вылезающая из бассейна и СПА, — позабывшая свою природу русалка. Кто-то догадывается, вспоминает, кто он есть на самом деле, кто-то всю жизнь будет отвергать свою натуру и отчаянно пытаться стать «таким, как все».

Меня, как ищейку, интересуют те, кто не только вспомнил, кто он, но и проявил свою силу и из жертвы человеческой травли превратился в охотника. И стал опасным для себя, своих собратьев и людей. Я чувствую таких существ и разбираюсь, насколько

они представляют угрозу. Я стараюсь наставить бедолагу на путь истинный и пытаюсь договориться. А если не удается, в ход идет протокол «вызывайте экзорциста».

Разумеется, такие таланты не берутся из ниоткуда и имеют свои отрицательные эффекты: я в какой-то мере тоже очаровательная потусторонняя тварюшка, и ко мне на мессы девушки приходят не подумать о Господе и вечном, а полюбоваться смазливой физиономией. Поэтому, когда количество поклонниц превышает критическую массу, мое начальство находит мне задание подальше от привычного прихода. Так меня сослали на историческую родину — в Баварию.

Когда я вошел в осквернённую кирху, Двадцать Третий сидел на ступеньках перед алтарем и причащался красненьким. Вместилищу его было около тридцати пяти лет. Рослый, широкоплечий, не худой и не полный, черноволосый, с острыми чертами лица, длинноносый, с синими глазами. Больше походил на чеха или грека, чем на истинного арийца. Впрочем, они у нас как-то все вымерли. А те, кто не вымер, ушли в монастырь. Да, это я о себе. Когда я увидел Двадцать Третьего, то первым, что у меня вырвалось, было:

— То есть ты еще и алкоголик?

— Это обезболивающее. И завтрак, — ответил Двадцать Третий, допивая залпом бутылку. — А кроме того, я понятия не имел, что этому телу вино необходимо для функционирования.

Демонический священник, казалось, ждал меня. На удивление, он даже не пытался сбежать.

Я подошел к алтарю и посмотрел на чертилу, затем — на бутылку.

— Оно безалкогольное, — заключил я, бегло глянув на этикетку.

– Ц-ц... Кругом сплошной обман. Ну, давай изгоняй, а то зачем приперся-то? — без интереса хмыкнул демон.

— Как ты определил, что я пришел изгонять тебя, лукавый?

— Да, никак. — Мужчина поморщился, затем вновь отхлебнул вино. — Что угодно сейчас отдам, лишь бы головная боль прошла. После моего недавнего самопроизвольного возгорания сюда периодически наведываются то деревенские сумасшедшие, то великие маги, то скрытые экзорцисты, чтобы изгнать меня. Полагаю, ты очередной. Работай, вперед.

Для демона этот незнакомец выглядел каким-то уж очень уставшим, и на первый взгляд он не был похож на враждебную сущность. Но это мог быть обман, и я продолжил:

— Ты зачем в него влез?

— Ну и формулировка! В кого подселился, в того подселился, я сам не особо рад такому выбору тела. Но распределение, кто куда вселяется, получается на святом рандоме. Так что давай, ускорься, и, если тебе удастся меня изгнать, а не вызвать у меня мигрень, я пойду попробую заселиться в другое тело.

— Ну уж нет. Я тебе помогать не собираюсь, мы с тобой работаем в конкурирующих фирмах. Вот депортировать тебя из храма — это я могу. А вот из тела — это уже не ко мне.

Он поднял на меня взгляд, несколько секунд оценивающе вглядывался в мое лицо, словно выискивал

какие-то знакомые черты. И наконец произнес, ехидно ухмыляясь:

— Очевидно, что не к тебе. Тебя-то даже свои выгнали куда подальше, чтобы не позорился. Как я посмотрю, ты в грехах, как рождественская ель в лампочках.

Теперь понятно: демоническая паскуда пыталась считать меня и мои воспоминания. Я хотел было разочаровать его, что никакие его фокусы не сработают, в конце концов, я не раз сталкивался с демонами и знал, как от них защититься, но лжесвященник продолжил:

— Ой, блондинчик, какой ты интересный священник... Одна история удивительнее другой. Будучи семинаристом, ты три года жил с русалкой, затем два года — с болотной ведьмой, параллельно с ними обеими у тебя была еще одна дева, судя по энергетике, фейри? — инфернально улыбнулся Двадцать Третий. — Не смотри на меня своими злыми темными глазами, это я только начал.

Внезапный рассказ про мою личную жизнь был, безусловно, ударом ниже пояса. Но я тогда еще не знал, что демоны того ранга, что Двадцать Третий, видят примерно все твои греховные похождения, начиная от толпы любовниц и заканчивая бабушкой, которую ты не перевел через дорогу, и футбольным мячом, которым ты выбил стекло соседу.

— Родинка на твоей скуле — ты знаешь, что на ней висит приворотное проклятие? Конечно знаешь, Николас! И, походу, даже пользуешься этим! Ни одна девица не может пройти мимо тебя. А ты решил в семинарию от них сбежать? Нет, так не работает, мой юный губитель сердец. Я, кстати, мог бы помочь тебе и с проклятием, и... вижу на тебе еще что-то висит... какой-то контракт... Не могу понять его суть...

— Господи, ты заткнешься, наконец? Почему ты такой болтливый?

— Почему ты такой нервный? Я, между прочим, могу помочь тебе. Хочешь — можешь даже со мной перезаключить свой контракт, мне несложно. А взамен ты оставишь меня в этом теле и заберешь с собой всех других желающих меня изгнать. А я просто спокойно поживу в человеческом мире.

Стоило догадаться, что это все была долгая подводка к его истинным желаниям. Которые выполнять я, естественно, не планировал.

— Давай договоримся мирно. Ты валишь отсюда. И не оскверняешь это место. Не пугаешь местных жителей. Не порочишь доброе имя церкви. Сними облачение священника и вали на все четыре стороны... А может быть, даже лучше в ад, — предложил я после недолгой паузы.

— Увы, в аду слишком жаркий климат. Сушит кожу, знаешь ли. А что касается доброго имени церкви... Честное слово, святоша, хуже, чем вы сами себя, вас очернить невозможно. И даже Джуд Лоу в «Молодом папе» вашу репутацию не спасает, — не унимался Двадцать Третий.

— Ты уже и сериалы успел посмотреть?

— Конечно. Библию мне читать скучно: больше половины событий я видел собственными глазами. А как ведут себя священники — это можно почерпнуть из литературы, кинематографа и настольных игр. Читал Вархаммер?

— Господи, меня бесит, что я продолжаю с тобой разговаривать, но, видимо, у тебя какой-то дар очарования, как у фейри.

— О нет, — ухмыльнулся Двадцать Третий, — я просто харизматичный чорт. Со мной интересно, а ты никогда не встречал демонов живьем. И любо-

пытства в тебе больше, чем страха получить а-та-та от папы римского.

— Сдаюсь. — Я махнул рукой, но со ступенек все же выпинал Двадцать Третьего. — Звать-то тебя как, чучело?

— Может, тебе еще истинное имя назвать? Ага, нашелся мне царь Соломон. Зови меня Двадцать Третий. Но этот номер никак не связан с моим местом в нашей иерархии.

— Почему же тогда такое имя?

— Просто до этого я вочеловечивался двадцать два раза. Представь, как все банально и прозаично. А ты ожидал услышать от меня какую-то крутую историю?

— Я ожидал услышать от тебя тишину, — закатил глаза я и тоже приложился к стоящему вину.

Вынужден признать, что я и Двадцать Третий — изгои среди своих. Двадцать Третьему нравится человеческий мир, споры о политике и теологии в Твиттере, дешевый алкоголь и кулинария. Мне же, напротив, человеческий мир не нравится, и куда привычнее общаться с теми, кто среди людей скрывается. Как бы это ни было богопротивно, но я даже начал сочувствовать бедолаге. Он не выглядел сущим порождением зла. А под моим присмотром, кто знает, может, еще и исправится.

После того как мы с Двадцать Третьим решили, что экзорцистам я его сдавать не буду, я взял его под патронаж. А копытный неожиданно согласился, впрочем, не посвящая меня в причины своего решения.

Для начала нужно было сделать так, чтобы люди не видели, как он дымится на мессах. С этой целью мы решили приучать бесноватого к благим текстам: авось на пятисотое повторение дымиться он станет меньше. И, кажется, это работало.

Пока я учил Двадцать Третьего не подгорать, он активно боролся с моей страстью транжирить деньги. Да, каюсь, я — великий грешник: в канун Дня Всех Святых я просто не могу пройти мимо разной красивой мелочовки, золотистых гирлянд с подвесками-тыквами и... ладно, будем честны, ко Дню Всех Святых у меня уже не остается денег, потому что я трачу всю свою скудную зарплату еще в первые три дня Октоберфеста, а затем живу на пожертвования.

В тот вечер я грустно заглянул в почти пустую корзину для пожертвований.

— Как-то странно для субботнего вечера, не находишь? — спросил Двадцать Третий.

Я скорчил кислую мину и кивнул.

— Людей на мессе было много, и я практически уверен, что набросали достаточно. А подворовать не могли? — продолжил демон.

— Воровать в церкви? — скривился я. — Ты в своем уме, рогатый? И посмотри внимательно. Я понимаю, если бы своровали всю корзину, но она на месте.

Двадцать Третий осмотрел корзину и не нашел никаких следов вскрытия.

— Что ж, Николас, значит, твоим ужином сегодня будет пачка от сигарет, — довольно произнес лжесвященник. — Все же есть адская справедливость для таких, как ты.

Пока Двадцать Третий продолжал зубоскалить, я заметил несколько белых полос на одной из картин, висевших в кирхе. Подойдя ближе, я не поверил своим глазам: картина была порвана когтями.

— Ты совсем одурел, бесноватый? Что тебе апостол Фома сделал? — гневно обернулся я к демону. — Он же и так здесь на картине мучается!